

Knowledge itself is power (F. Bacon)

ЗНАНИЕ – СИЛА

№ 8, 1979

Натан Эйдельман

Учитесь читать!

Один московский педагог поставил простой опыт - среди своих учеников, чужих учеников и почтенных людей, давно уже ничьих учеников он произносил пушкинскую строку:

Чем меньше женщину мы любим...

и просил продолжить. Девять человек из десяти уверенно заканчивали:

Тем больше нравимся мы ей...

Только десять процентов, либо хорошо знавших, либо тонко чувствовавших Пушкина, декламировали правильно:

Тем легче нравимся мы ей...

- Видите ли, "*легче понравиться*" - это не значит "*больше понравиться*": больше - это уже область сильных чувств, приближение к любви, то есть к такому состоянию, где нельзя по заказу меньше любить. Если же цель в том, чтобы быстрее, легче понравиться, то возникает совсем другой тип отношений, где хороши разные приемы, и Онегин, например, неплохо умел регулировать свои чувства (больше-меньше), добиваясь благосклонности у очередной красавицы ("*легче*"). Умел - во всех главах пушкинской поэмы, кроме восьмой, где отношения с Татьяной будут подчиняться совсем иным законам...

Разобранный эксперимент прост: с ясной, милой откровенностью Пушкин демонстрирует нам свой ход мыслей. Большинство читателей уверено, что у Пушкина все и всегда понятно, - и нередко читает великого поэта быстро, самонадеянно и неумело.

Приведенный эпизод связан с прямой ошибкой при передаче текста. Но если даже строки, строфы великого мастера прочтены совершенно точно, значит ли это, что прочтены правильно, по крайней мере так, как желалось автору?

Былое и думы - кому же не знакомо это словосочетание? И, может быть, надо поинтересоваться, как переводится название герценовских воспоминаний на иностранные языки, чтобы осознать тончайшие оттенки смысла...

"*My past and thoughts*" перевели англичане - "*Мое прошлое и мысли*". Вроде бы верно. В лучшем случае - совсем небольшое смысловое отличие от подлинника. Но ведь всякое великое мастерство отличается от обыкновенного совсем немного, чуть-чуть... К примеру, в английском переводе четыре слова, а в русском подлиннике - три (да и союз "*and*" втрое длиннее русского "*и*"): нарушены ритм, краткость герценовского названия. Былое - это ведь не просто прошедшее, а то, что было, и со мною именно (былое, пережитое, родное)... Заметим пушкинское:

Чедаев, помнишь ли былое?

Специалист вдобавок сообразит, что герценовские строки имеют "предка" - великий Гете назвал свое знаменитое сочинение *"Dichtung und Wahrheit"* ("Поэзия и правда", или "Вымысел и правда" - тут уж трудности с русским переводом).

Итак, гетевское название Герцен как бы рифмуется для своих воспоминаний, но притом "переворачивает" смысл, полемизирует, и получается "Былое и думы"... Тут читатель вправе спросить: а так ли все это важно? Разве герценовское название не западает в душу и память и без этих рассуждений?..

И разве десятки миллионов людей не произносят радуясь строчку

Мой дядя самых честных правил...

вовсе не подозревая или давно позабыв, что здесь - вежливый эквивалент фразы "мой дядя осел" (потому что Пушкин напоминает своим читателям об очень известной тогда строке Крылова:

Осел был самых честных правил...

И уравнение легко решается: "мой дядя" и "осел" - оба "самых честных правил" и, стало быть, равны друг другу).

И неужели читатель не почувствует понастоящему стих

*Хрустнул, проломленный, Крыма
хребет...*

если не обратить его внимание на то, что в каждом слове гремит мастерское маяковское "р", как бы эхо действительного хруста, перелома.

Разумеется, все это не обязательно, как вообще можно прожить жизнь, не интересуясь ни Пушкиным, ни Герценом.

Один литературовед темпераментно выступал против всякого анализа, нудного разбора, ненужных комментариев, мешающих читателю окунуться в текст: впрочем, этому специалисту остроумно возразил один из его слушателей: "Вы доказываете ненужность знания, которым сами обладаете. Разрешите нам сначала самим узнать, а потом уж решать, помогает это нам или мешает!"

Да, не обязательно знать разные вещи, скрывающиеся за строкой мастера, да только жаль - жаль времени, потерянного теми, кто читает и не видит. Как будто сажает деревья или строит дом неправильно и неумело.

Курсы быстрого чтения, как известно, распространяются: прекрасно, прогрессивно, не смеем спорить... При одном условии. Если также будут признаны курсы медленного чтения!

Медленное чтение - это старинный термин: это такая ситуация, когда читатель не только скользит по поверхности стиха, повести, романа (впрочем, по поверхности прекрасной!), но и погружается в изумительные глубины.

Медленное чтение - это путешествие по литературе с частыми, постоянными остановками у слова или стиха.

Одним из лучших знатоков принципа медленного чтения был неграмотный гольд Дерсу Узала, который упрекал своих оппонентов: *"Так ходи, головой качай, все равно как дети. Глаза есть, посмотри нету"*.

Медленное чтение классиков, скажем по секрету,- и есть самое быстрое, то есть эффективное: а быстрое - самое медленное, нерентабельное:

Позволим себе высказать крамольное суждение: научить побольше людей по-настоящему читать важнее, чем выпустить лишний миллион-другой книжных экземпляров: что толку, если не сумеем тем богатством воспользоваться!..

Были, есть и будут прекрасные мастера медленного чтения.

Одним из мастеров медленного чтения был литературовед А. А. Белкин, с редким умением доказывавший весьма образованным слушателям, что они в сущности не читали "Моцарта и Сальери", "Братьев Карамазовых", рассказов Чехова. Кто помнит его лекции или читал посмертный сборник работ, не забудет того удивительного искусства, с которым встречался, искусства, трудно поддающегося привычным определениям: художественное литературоведение? Да, но не только. Точная наука, психологическое воздействие? Да, и не только... Но что же?

Может быть, в будущем, когда подобное чтение будет, конечно, широко распространено, и найдут какое-нибудь более сильное название, чем сегодня, медленное чтение.

Как же мы в своем журнале собираемся вести раздел "Учитесь читать"?

Очень просто: пригласим умеющих читать, чтобы они поделились опытом, рассказали, поведали нам некоторые "азбучные истины"... А уж учебные примеры, то есть строки или строфы, выберут какие захотят.

Итак, сначала будет объявлен текст - как правило, знакомый (или если не слишком знаменитый, то весьма типичный). Допустим, один абзац из "Войны и мира", сценка из Болотова, может быть, даже по одной-две строчки из Чехова, Тынянова. Овидия (понятно, преобладать будут русские тексты, но найдется место и для иностранцев).

К тому же, мы уверены, учиться читать можно не только по отрывкам из художественных произведений. Не исключено, что однажды будет предложен отрывок из отчета географической экспедиции или фрагмент логии, поэзию которой прекрасно чувствовал Константин Паустовский: несколько строк подлинного текста и - анализ специалистов... А в другой раз примеры для нашего раздела будут взяты, скажем, из писем Эйнштейна или научных сообщений Лобачевского, Галилея - и затем последует рассказ об этих строках.

Наконец, разбираться может и отрывок из исторического документа, например из революционного воззвания (представьте, какому любопытному анализу можно подвергнуть строки, встречавшие в 1793 году посетителя якобинского клуба: "**Что сделал ты для того, чтобы быть расстрелянным в случае прихода неприятеля?**").

В нашу рубрику "Учитесь читать" допускаются все виды обучения: иногда ваше внимание обратят на скрытый смысл отрывка. в другой раз - на строй самого текста, на возможность интересного комментария...

Но не будем предвосхищать событий. Перед вами - первый опыт.

Просим вместе с нами медленно прочесть кое-что из Пушкина.

XXXIX

*...Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал*

*Печальный жребий свой прославить
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.*

XL

*И чье-нибудь он сердце тронет;
И, сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!
Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!*

Разбирать мы будем в основном последнюю строфу, но ее ведь нельзя оторвать от предшествующей.

Итак, четырнадцатистрочная онегинская строфа: сороковая и последняя во второй главе пушкинского романа (сразу заметим это обстоятельство, потому что финальные строфы каждой из восьми глав несут особенную нагрузку, содержат завершающую, ударную мысль подобно тому, как в пределах каждой строфы финальным аккордом звучат две последние, заключительные строчки).

В комментариях и учебных пособиях к поэме Пушкина обычно ограничиваются двумя примечаниями к финалу второй главы:

1. "**Аониды**" - то же самое, что музы.

2. "**Потреплет лавры старика!**" - *"Пушкин вспомнил выражение своего лицейского учителя профессора Галича, который, временно, вместо заболевшего Кошанского, преподавая латинский язык, часто отвлекался от своего дела разговорами, а потом возвращался к одному из классиков со словами: "Ну, теперь потрепем старика!" В сибирской ссылке Кюхельбекер также вспомнил это выражение своего учителя - в его дневнике 2 февраля 1832 года читаем: "Примусь опять за Гомера: пора. как говаривал Галич, потрепать старика"* (комментарий Н. Л. Бродского).

Но перечтем сороковую строфу, медленно и внимательно. Пушкин тепло, можно сказать, нежно благодарит, но кого же - невежду!

Издавается, как видно... Все же разберемся сначала. Имело ли это слово в пушкинские времена тот же смысл, что и сегодня? Ведь некоторые выражения осмыслились в ту пору не так или не совсем так, как позже. Например, порицая литераторов, восхвалявших Екатерину II, Пушкин восклицает: *"...Подлость русских писателей для меня непонятна!"* Фраза, конечно, очень резкая, но все же не столь резкая, как может показаться на первый взгляд. Подлость здесь обозначает пресмыкательство, лесть (сегодня мы бы употребили разговорное слово "подлизывание") - все это отрицательные характеристики, но не самые уничтожающие.

О "невежде" несколько лет назад специальную статью написала М. Меликьян. Исследовательница нашла, что среди двадцати шести случаев употребления этого слова поэтом не раз оно встречается в знакомом всем нам. "современном" смысле: старику

Дубровскому успел пустить кровь "уездный лекарь, по счастью не совершенный невежда", о Ленском сказано - "он сердцем милый был невежда".

Однако нашлись примеры с несколько иным смыслом.

Генерал Киселев - это "враг коварства и невежд", причем по смыслу видно, что невежды тут какие-то очень важные люди, не ниже, если не выше самого генерала. Пушкин о себе:

*Все тот же я - как был и прежде;
С поклоном не хожу к невежде...*

В другом месте поэт презирает "святых невежд, почетных подлецов"; невеждами названы и литературные противники, например адмирал писатель Шишков, который вообще-то был человеком очень образованным и неглупым. Иногда под невеждой подразумевался и сам государь Александр, который, как известно, получил блестящее воспитание. М. Меликьян приходит к выводу, что "кроме людей, невежественных в обычном смысле слова, Пушкин называл невеждами литературных и политических ретроградов".

Итак, тогдашние, начала XIX века, невежды находятся в определенных отношениях с Александром Сергеевичем. Но что же будет завтра, каков будущий невежда, которому такая похвала в "Онегине"?

Настала пора обратиться к пушкинским черновикам.

* * *

Черновики Пушкина ныне полностью напечатаны в приложениях к академическому семнадцатитомному изданию сочинений поэта. Огромная, иногда нечеловеческая, фантастическая работа была произведена замечательными мастерами-текстологами для того, чтобы мы могли сегодня войти в пушкинскую лабораторию; в те, по многу раз перечеркнутые и переделанные черновики, которые поэт не выбрасывал; или - то, что отвергнуто мастером, но позволяет увидеть нам весь ход его мысли...

Черновики к первым главам "Онегина" попали в академическое издание из огромной тетради (предназначенной прежде для "бухгалтерии" кишиневской масонской ложи "Овидий"). На одной из первых страниц той тетради майской ночью 1823 года появилась быстро и коряво написанная строка: "Мой дядя самых честных правил...", затем побежала первая глава романа, за ней - вторая. Незадолго до интересующей нас строфы с "невеждой" Пушкин по своему обыкновению поставил дату "8 декабря 1823 год. Ночь".

Одесская зима, двадцатичетырехлетний поэт. На листе находим:

*Быть может, лестная надежда,
Укажет с кафедры невежда...___*

Здесь Пушкин, очевидно, задумался и решил "не уточнять образа", сделать его более обобщенным. Он зачеркивает вторую строку и пишет:

*Укажет будущий невежда
На мой... портрет..._____*

(поэт, как видно, не мог найти должного эпитета к своему портрету и пошел вперед):

*И молвит: то-то был поэт.
Прими ж мои благословенья,
Любимец мирных аонид!*

Тут Пушкин находит, что перехвалил невежду, и вместо "благословенья" вписывает более сдержанное "благодаренье", а "любимец" муз-аонид переведен в "поклонники".

*Поклонник мирных аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои небрежные творенья...*

Эпитет "небрежные", указывающий на недостатки автора, тут же заменен: стало "летучие творенья", то есть такие, которые не удержатся в памяти, забудутся, улетят, но, может быть, без всякой вины их создателя.

*Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика...*

Сегодня здесь кончается вторая глава, а в черновике была еще одна строфа: Но, может быть, - и это даже

*Правдоподобнее стократ,
Изорванный, в пыли и в саже
Мой недочитанный рассказ
Служанкой изгнан из уборной
В передней кончит век позорный,
Как прошлогодний календарь
Или затасканный букварь.
Ну что-ж? в гостиной иль в передней
Равно читатели черны,
Над книгой их права равны.
Не я первой, не я последний
Их суд услышу над собой
Ревнивый, строгий и тупой...*

Последнюю строку Пушкин переменит:

Ревнивый, строгий и смешной...

но потом зачеркнет все, что написал после слов "потреплет лавры старика". Пушкинская краткость, чувство меры...

Сорок первая строфа сочтена ненужной: она разъясняет то, что уже сказано в сороковой, и поэтому уходит как бы в невидимую, подводную часть финала второй главы.

Перед нами редкий случай; тут можно **прочитать подтекст** или, по крайней мере, часть его.

* * *

Но мы пока еще не выяснили: кто же он, будущий невежда, кому отправлен иронический пушкинский поклон?

Сейчас позволим себе пофантазировать, опираясь на несомненные пушкинские слова-мысли.

Будущий невежда - это тот, кто окажется в таких же отношениях с будущим Пушкиным, как сегодняшней "мстительный педант" - с сегодняшним Пушкиным. Еще за несколько лет до рождения первых глав "Онегина" некий "невежда-педант" приказывал, например, юному лицеисту читать и любить Цицерона, а не других, куда более легкомысленных авторов, а тот лицеист...

*Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал...*

Однако невежда указывал провинившемуся ученику на прославленный портрет Цицерона, приговаривая нечто вроде: *"То-то был поэт"* (или оратор). И Цицерон с расстояния в девятнадцать веков благодарит, а Пушкин упрямится, борясь, разумеется, не с великим оратором, а с *"мстительным невеждой"*.

Но что же будет потом, через десятилетия и века?

Великий "пророк-угадчик", Александр Сергеевич будто вычитал наперед у Марины Цветаевой:

"Долой Пушкина" есть ответный крик сына на крик отца "долой Маяковского" - сына, орущего не столько против Пушкина, сколько против отца. Крик "долой Пушкина" - первая на глазах уже не курящего отца и не столько на радость себе, сколько назло ему выкуренная папироса. В порядке семейной ссоры, кончающейся - миром. (Ни отцу, ни сыну, по существу, ни до Маяковского, ни до Пушкина дела нет)".

Маяковский - для 1932 года, когда пишет Цветаева. Для других эпох - другие новейшие поэты...

Можно вспомнить и самого Маяковского: *"Бойтесь пушкинистов..."*

В той перепалке отца с сыном отец тоже обязан апеллировать к *"прославленному портрету"* и *"то-то-был-поэту"*.

Любопытно было бы узнать, на чьей стороне Александр Сергеевич в этом споре? Если уж выбирать только из двух несогласных, так подозреваю, что на стороне младшего. Это ведь сын не желает читать Цицерона (и Пушкина)... Молодежь дерзкая: пусть Пушкина ругает, - все равно ей от него не уйти!

Александр Сергеевич, кажется, это все разглядел. Между прочим, вступлением к *"Евгению Онегину"* было сначала стихотворение, которое позже отделилось и зажило самостоятельной жизнью: *"Разговор книгопродавца с поэтом"*.

Так вот, в том *"Разговоре"* поэт вопрошает:

*Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?*

Мстительный, низкий невежда, если и похвалит такого человека, как Пушкин, то после, много позже! Только тогда, когда повесит у себя дома *"прославленный портрет"* и восхитится задним числом, и это, скорее всего, будет *"восхищение глупца"*.

"Обыватель, - заметит Цветаева, - большей частью в вещах художества современен поколению предыдущему, то есть художественно сам себе отец, а затем и дед и прадед. Обыватель в вещах художества выбывает из строя к тридцати годам и с точки своего тридцатилетия неудержимо откатывается назад - через непонимание чужой молодости - к неузнаванию собственной молодости - к непризнанию никакой молодости - вплоть до Пушкина, вечную молодость которого превращает в вечное старчество, и вечную современность которого - в отродясь старинность. И на котором и умирает..."

Но обязательно ли знать все, что мы говорили, тому, кто просто открывает и читает Пушкина? Разумеется, не обязательно... Посему закончим, с чего начали:

*Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!
Прими ж мои благодаренья,*

*Поклонник мирных аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!*

[Страница Натана Эйдельмана](#)

ВЕРНУТЬСЯ

